

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

УДК 332.01

ББК 65.040

© Скуфьина Т.П.

Социально-экономическая дифференциация пространства: противоречия теории и практики регулирования*

В статье отмечается противоречие между значительностью усилий, направленных на разрешение проблемы дифференциации социально-экономического развития стран, регионов, и их малой результативностью. Проводится анализ теорий, касающихся проблематики асимметричности развития и сопутствующей реальности. Аргументируется вывод, что современная экономическая теория не дает ответа на вопрос, каким образом в рамках существующего мироустройства можно устранить проблему неравенств, которые потенциально способны привести к социальной напряженности и конфликтам. Отмечается специфика российского опыта исследований социально-экономической дифференциации: огромное количество научных работ, внешний интерес системы управления, недостаток теоретических построений, тенденциозность исследований. Критика базисных постулатов изучения и регулирования дифференциации в России позволила определить основную задачу — необходимость развития количественного анализа проблемы дифференциации.

Социально-экономическая дифференциация, глобализация, регионализация, экономическая теория, постулаты исследования.

**Татьяна Петровна
СКУФЬИНА**

доктор экономических наук, зав. отделом Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН
skufina@iep.kolasc.net.ru

Одной из фундаментальных научных проблем современности является формирование экономически обоснованной модели регулирования проблемы неравномерности социально-экономического

развития. Целью конкретных теоретико-методологических и прикладных задач в рамках решения этой проблемы является сведение к минимуму тех неравенств, которые потенциально могут привести

* Работа выполнена при поддержке грантов: Минобрнауки по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. — №2012-1.2.1-12-000-3002-007; РФФИ — №13-06-00030.

к нарастанию конфликтов, социальной напряженности, мешают сбалансированному экономическому развитию. Однако практические результаты регулирования межстрановых, межрегиональных и муниципальных отличий весьма скромны¹.

Это противоречие закономерно обуславливает целесообразность рассмотрения современных воззрений на проблематику социально-экономической дифференциации пространства. Но такое рассмотрение наталкивается на трудности. Проблема: фактически любое экономическое событие в мире, стране, регионе в конечном счёте влияет на соотношения показателей, меняет социально-экономическую дифференциацию. Следовательно, любое исследование, любое теоретическое описание этих событий, в той или иной мере, имеет отношение к проблематике дифференциации.

Конечно, каждый экономист знает, что «все зависит от всего», но полный смысл этого обобщения не осознается, пока не коснешься столь структурно сложного предмета исследования. Вместе с тем выявление теоретических конструктов, непосредственно касающихся проблемы неравномерности развития, а также соответствия (несоответствия) теории практическим результатам развития и регулирования проблемы представляются значимыми задачами. Именно решению этих задач и посвящена настоящая публикация.

¹ Недостаточная результативность в мирохозяйственном контексте отражается в актуальности воспроизводства вопросов: «Но какое место в процессах самой глобализации занимает выравнивание уровней экономического развития стран? Почему мировой рынок сопротивляется такому выравниванию?..» [11, с. 83]. О туиковом характере политики выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов РФ см., напр., в [10, 12, 14, 21]; об отсутствии тенденций выравнивания базовых социальных и экономических статистических показателей регионов см. [1, 3, 20, 21]. Статистические оценки наглядно демонстрируют, что внутрирегиональные различия по основным социальным и экономическим индикаторам развития еще более резки, чем межрегиональные [2, 5].

Экономическая теория развитых и развивающихся стран о социально-экономической дифференциации

С теоретических позиций современные исследования асимметричности социально-экономического развития в развитых странах до сих пор базируются преимущественно на платформе теории «центр—периферия». Эта теория разработана в столь обширной литературе, что описать ее здесь не представляется возможным и целесообразным. Масса полезных сборников и учебников по экономической теории дает не только комплексное представление, но и твердое убеждение в малой реалистичности и некоторой догматичности предпосылок².

Однако широко разделяется постулат современности «теорию надо оценивать не по реалистичности предпосылок, по комплексности и значимости постановки проблемы». Это позволяет моделям «центр—периферия» использоваться как наглядное отображение неравномерности развития, в первую очередь в глобальном масштабе.

Что же касается регионального уровня, то при всем гигантском количестве работ какой-либо стройной теории описания или объяснения проблемы асимметричности развития в рамках теории «центр—периферия» до сих пор не просматривается. Однако можно выделить несколько крупных конгломератов построений. Например, первый из них базируется на идее развития конкуренции между «развитыми», «перспективными», «отстающими» регионами с целью выравнивания уровней экономического развития в системе «регион—центр—регион—периферия».

² Сумма идей, которую можно считать ретроспективным основанием и теории размещения, и теории «центр—периферия» (фактически образовавшейся из неактивной дискуссии этой самой теории размещения), наглядно представлена в [4, с. 568–585]. Современной спецификой можно считать отказ от постулата о неизменности международного разделения труда на основе статично понимаемого принципа сравнительных издержек.

Второй – предполагает развитие кооперации «города–центра» и «региона–периферии», а ядрами служат крупные фирмы, которые и дают импульсы развитию. Все эти теоретические построения характеризуются, обобщаются, многообразно синтезируются во вторичных источниках, в некоторых из которых даже приводятся результаты выделения центра и периферии конкретных регионов [16]. Но такие выделения в поисках практического смысла совершенно не помогают: невозможно не только поставить диагноз, но и использовать полученные результаты в прогностических разработках³.

Поэтому практика управления, в частности региональным развитием, традиционно базируется на стратегическом планировании, отличием которого от «центропериферийного» подхода является оптимизация параметров развития на основе разработанного алгоритма решений, нацеленных на достижение основной цели, то есть пространственный фактор не является важнейшим или строго заданным.

Экономические теории стран «третьего мира», непосредственно касающиеся проблемы асимметричности развития, отталкиваются от критики современного межстранового разделения труда, существующей системы разделения благ и от теоретических концепций развитых стран, закрепляющих этот порядок. Огромный интерес вызывают концепции развивающихся стран⁴: концепция периферийной экономики Р. Пребиш (Аргентина), Т. Дос Сантос и С. Фуртадо (Бразилия); концепция «арабского социализма» и практически

³ То есть совершенно неясно, например, хорошо это или плохо, что есть периферия? И если надо с ней бороться, то каковы, пусть не рецепты, но хотя бы принципы достижения всеобщей прогрессивности пространства? И т.д.

⁴ Вторичный источник этих концепций см., напр., в [13].

сменившая ее многовариантная «фундаменталистская альтернатива» («исламская альтернатива») и др. В каждой из них заложены реформистские программы, некие «проекты нации», в основе которых – обостренное внимание к проблеме неравноправных отношений между развитыми странами и периферийными, между «центром» и «периферией» внутри страны.

В основе латиноамериканских программ – различные способы изменения структуры национального продукта на базе определенных способов изменения спроса, т.е. способов удовлетворения потребления. Теоретические позиции очень сильные: выдвижение критерия максимизации душевого дохода, дополненного показателями эффективности, обеспечивающими замещение импорта, обоснование индустриализации и т.д.

При этом в латиноамериканских вариантах считалось и считается, что именно индустриализация в развивающихся странах приведет к структурной перестройке, что позволит не только ускорить экономический рост, но и решить проблему внутристрановой дифференциации доходов населения и межрегиональной дифференциации по уровню экономического развития. Практический результат известен: создание собственной промышленной базы усилило зависимость от мирового рынка, давление транснациональных корпораций возросло, межстрановое неравноправие закрепилось.

Что касается внутристрановой дифференциации, например, по доходам населения, то в латиноамериканских странах сокращения разрыва не произошло, наблюдается закрепление социальных слоев, т.е. с каждым годом возможность вертикальных движений индивида по социальным стратам сокращается. Справедливости ради отметим: последняя особенность характерна и для развитых стран.

Исследования, посвященные факторам закрепления межстрановой и межрегиональной дифференциации, крайне разнообразны. Архилох говорил: «Лисица знает много вещей, но ёж знает одну большую вещь». На наш взгляд, проблема — это сущность модели капитализма, в основе которой, как известно, лежит стяжательство и эксплуатация слабого. Если оставить в стороне политическую составляющую (однополярность мира, возможность военных и экономических санкций против стран третьего мира и т.д.), то с экономических позиций модель мироустройства такова: кто владеет капиталом, тот и определяет мирохозяйственные процессы. Таким образом, «большая вещь» — это капитал.

С точки зрения экономической теории можно обосновать, что капитал — единственный фактор производства. При модельном восприятии мира нам близка эта позиция. Учитывая внешнюю чудовищность такого тезиса, кратко поясним, сославшись на признанных теоретиков.

В фундаментальном труде М. Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе» соединяются тезисы Фишера и Вальраса [4]. Фишер определял капитал как любой запас, который приносит поток услуг — землю, машины, сырье, природные ресурсы и трудовые навыки людей, а доход — как излишек этих услуг над затратами на восполнение запаса богатства. Следовательно, капитал — это единственный фактор производства, весь подлежащий распределению доход состоит из процента, заработная плата — это процентные платежи за человеческий капитал, а национальный доход состоит из потребительских расходов. Конечно, здесь Фишер в конструировании реальности пошел далеко, но для современных мирохозяйственных процессов крайне важен вывод, что фактически капитал является единственным фактором производства, что он представляет собой

однородный «вечный фон» производительной силы, что один капитальный актив может быть превращен в другой без ущерба для потребления. Именно это определяет имманентную сущность и логику глобализации, в первую очередь как финансовой глобализации.

Финансовая глобализация фиксирует и расширяет возможности мировых центров доминирования при ослаблении перспектив «периферии». Эта тенденция традиционно считается негативным последствием глобализации. Позитивными плодами считают не только рост доступности передовых технологий для всего населения и экономик периферии, но и диффузию, а скорее, экспорт западных идеологий⁵. При этом следует отметить, что современная политология и экономика формально лишены неких «цензурных механизмов», но по существу являются тенденциозными, проводя четкую границу между теми, кто «окультуривает», кого уже «окультуривают», и теми, кого надо «окультуривать». Как результат, в ряде исследований (см., например, [23]) считается, что даже и само деление на центр и периферию обусловлено не столько различиями в параметрах

⁵ Приведем одно из типичных определений: «Глобализация экономики — сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, она облегчает хозяйственное взаимодействие между государствами, создает условия для доступа стран к передовым достижениям человечества, обеспечивает экономии ресурсов, стимулирует мировой прогресс. С другой — глобализация несет негативные последствия: закрепление периферийной модели экономики, потерю своих ресурсов странами, не входящими в «золотой миллиард», разорение малого бизнеса, распространение на слабые страны глобализации конкуренции, снижение уровня жизни и др. Сделать плоды глобализации доступными максимальному числу стран — одна из задач, стоящих перед мировым сообществом» (Экономический словарь. — <http://abc.informbureau.com/>). Последнее предложение-утверждение, являющееся также типичным, наглядно иллюстрирует метафизическую природу экономической доктрины глобализации. Уже в определении находится и поддержка, и отрицание «одной из задач» мирового сообщества. При этом нам никогда не объясняют, что же следует из этих противоречий? Каков механизм решения такой задачи?

социально-экономического развития, сколько глубиной проникновения европейских традиций в жизнь их народов.

Однако, на наш взгляд, трудно согласиться с тем, что для мировой системы капитала «базовым риском стал мировой кризис ментальности, чреватый войной между двумя основными цивилизациями — христианской и исламской» [11, с. 93]. Для мирового капитала важна общность институциональной среды, касающейся базисного единства условий движения и перелива капитала. Что касается привлечения ментальности, да еще в контексте «христианство-мусульманство», — это во многом наслоение, мешающее взглянуть на суть вещей.

Да, действительно, современная модель глобального развития, закрепляющая проблему межстрановой и внутривосточной дифференциации, закономерно приводит к идеям об альтернативном развитии стран, не считающихся «развитыми». Ответы сложившемуся миропорядку — региональные исламские проекты (наиболее четко механизм альтернативы отражен в «ливийской альтернативе» — «третьей мировой теории», сформулированной М. Каддафи) и проекты экономической интеграции арабских стран [19]. Реализация этих идей отодвинута современными военно-политическими результатами в арабских странах на много десятилетий, а при дальнейших усилиях демократических сил будет отодвинута навсегда. Но причина этого не «кризис ментальности», а установление и защита необходимой унификации глобальных правил поведения той самой «большой вещи» — капитала. Подтверждением «неисламского» характера альтернативных концепций развития служат не только история отношений Ливии и Венесуэлы, но и безусловное сходство «боливарианской доктрины» Уго Чавеса с идеологией Социалистической Народной Ливийской Арабской

Джамахирии в контексте приверженности «левым» ценностям [7]. Общим является и интеграционная идея. Так, ряд исследователей обоснованно считает социально востребованной и рациональной задачей всех государств Латинской Америки (без заметных исключений) формировать альтернативную экономическую систему, группируясь вокруг идей социальной концентрации и общеконтинентальной консолидации [22]. Однако, говоря о «рациональности», нужно сделать существенную оговорку — «нереализуемой рациональности».

Таким образом, современная экономическая теория не дает ответа на вопрос, каким образом в рамках современного мироустройства можно устранить проблему неравенств, которые потенциально могут привести к конфликтам. Поэтому зачастую строятся некие идеальные модели [11, 23, 24]. В них, без всяких внешних причин, принципиально меняются цели развития: от максимизации прибыли, экспансионных идей и т.д. до идей равенства, свободы развития каждого государства, каждой личности, построения идеальных моделей устойчивого развития⁶.

⁶ Эти теоретические концепции и производные от них конструкты (доминирующий пример — концепция устойчивого развития) порождены целым спектром взаимосвязанных причин. Перечислим лишь некоторые. Первая — политическая конъюнктура, то есть ряд «неудобств» и «противоречий», порождаемых современным глобальным капитализмом, рассасывается одномоментной трансформацией декларированных идей развития. Вторая — новые, «правильные» декларируемые ценности входят в противоречие с практическими шагами, в том числе правительств развитых стран — поборников западных общечеловеческих ценностей. Это закономерно порождает «реакцию отторжения» действительности, хотя бы на уровне экономической теории. Третья — при восприятии развития глобализации как поступательного линейного процесса действительно проявляется ее тупиковый характер. Отсюда закономерные попытки «доказать неотвратимость перехода от традиционного догоняющего развития к новой, более современной синергетической модели... В новой модели все субъекты хозяйства — от государства до каждого индивида — начинают играть по принципиально иным правилам. Следуя им, они выступают творческими партнерами и конкурентами как на национальном, так и на мировом рынке. Тем самым они получают равные шансы на успех» [11, с. 95].

Маловероятный характер этих концепций позволяет сделать главный вывод рассмотрения существующих теоретических конструкций, касающихся проблематики дифференциации социально-экономического развития. **Современные модели глобального разрешения противоречий крайне общи и вряд ли дают что-либо практике управления, кроме надежды на то, что как-нибудь, само собой все образуется. На региональном уровне концепции «центр–периферия» также мало применимы к решению практических проблем.**

Российский опыт исследования и регулирования социально-экономической дифференциации

Что касается отечественных исследований, то следует отметить огромное количество работ по указанной проблематике [1, 2, 3, 5, 6, 8, 17, 20, 21]. Достаточно существен и внешний интерес, демонстрируемый системой управления. Яркий пример – Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов РФ (2002–2010 годы и до 2015 года)», так и не доведенная до завершения по срокам и результатам. Вместе с тем привлекает внимание крайняя скупость отражения теоретических построений по проблеме дифференциации социально-экономического развития.

На поверхности большинства исследований проблема социально-экономической дифференциации пространства России состоит из нескольких признанных тезисов.

Первый, широко распространенный тезис – о росте межрегиональной дифференциации в России. Специфика его применения находится нередко вне контекста того, что именно растет. Приведем фразы, типичные для вузовских учебников: межрегиональная дифференциация в России составляет 19 раз и продолжает расти; в

другом пособии цифры уже другие – 8 раз и так далее⁷. Типичен и пример констатации «главных современных трансформационных тенденций в российском экономическом пространстве: продолжающееся усиление межрегиональной социально-экономической дифференциации (неоднородности пространства)...» [8, с. 17]. При этом не приводится никаких критериев, показателей, по которым формулируются подобные утверждения.

Другая особенность применения тезиса о росте дифференциации заключается в частом использовании в научных исследованиях, учебных пособиях для вузов, формальных нормативно-правовых документах, в том числе и федерального уровня, всевозможных сравнений наименьшего и наибольшего значения какого-либо показателя в «наилучшем» и «наихудшем» регионе. Результатом исследований, основанных на таком сравнении, являются следующие выводы. Например: «Межрегиональная дифференциация к концу 2000 г. составляет по среднему душевому объему промышленной продукции почти 64 раза, по соотношению среднестатистических денежных доходов населения и величины прожиточного минимума – более чем 8 раз и т.д.» [17, с. 9–10]; «Дифференциация уровня развития регионов не только не снизится, но, наоборот, увеличится почти вдвое» [15, с. 40] (речь идет о трехлетнем периоде). Однако в представленных примерах фиксируется только размах между показателями и не оцениваются объективные тенденции развития межрегиональной дифференциации для всех регионов. Результат – искажение представлений о тенденции отдельными экстремальными значениями⁸.

⁷ Стандартную констатацию проблемы дифференциации в литературе для вузов см., напр., в [16, с. 147–148].

⁸ То есть фактически рассматривается дифференциация между двумя регионами РФ, а в стороне остаётся то, что имеется еще 81 субъект РФ (согласно современной системе федеративного устройства).

Второй незыблемый тезис — о том, что «межрегиональную дифференциацию в России надо сокращать», — приводится опять же вне контекста, что именно надо сокращать и почему. Типичный пример такой установки — вышеназванная Федеративная целевая программа, целью которой в её Паспорте обозначено «сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов РФ, уменьшение разрыва по основным показателям социально-экономического развития между наиболее развитыми и отстающими регионами к 2010 году в 1,5 раза, а к 2015 году — в 2 раза».

Такие тезисы опасны своим чрезмерно общим характером. Опасность, конечно, умозрительна при реализации исследовательских задач, но реальна при выработке управленческих решений. Результат — формирование не менее размытых задач относительно ресурсных возможностей вышеназванной Программы. Например, такие задачи, как «формирование условий для развития регионов, социально-экономические показатели которых ниже среднего по стране; создание благоприятной среды для развития предпринимательской деятельности и улучшения инвестиционного климата; повышение эффективности государственной поддержки субъектов РФ», не сопоставимы с ресурсными возможностями. За период реальных сроков реализации Программы 2002–2006 годов фактическое финансирование составило 22 183 млн. руб.

В отношении постулата о необходимости сокращения межрегиональных отличий мы стоим на более прагматических позициях. С точки зрения любых пространственных социально-экономических систем дифференциация — неотъемлемое свойство компонентов системы, прослеживаемое по количественным признакам.

И базовая задача, которая позволит устранить проблему достоверности результатов исследования межрегиональной асимметрии, заключается в разработке методологии и корректных методов обобщения информации.

Некоторые выводы и перспективы исследований проблемы социально-экономической дифференциации в России

Таким образом, бесперспективность практического решения проблемы социально-экономической дифференциации пространства связана как минимум с тремя факторами. Во-первых, расплывчатость теоретических оснований проблемы асимметричности пространственного развития. Во-вторых, фантомность целей для практики регулирования. В-третьих, недостаточность использования существующих возможностей статистических методов в типовых схемах количественной оценки феномена дифференциации. То есть отсутствует та самая «совершенная простота», лежащая в основе мироустройства, позволяющая сложить мозаику разнообразия феномена неравномерности развития в целостную картину.

На наш взгляд, продуктивными усилиями раскрытия проблемы асимметричности социально-экономического развития, в частности, России является последовательное преодоление следующих ступеней. Первая — формирование методологии анализа социально-экономической дифференциации, включая разработку и формулировку ключевых методологических положений, обоснование использования типовых и разработку новых корректных методик сопоставлений. Вторая — интегрированная оценка специфики, тенденций, возможно, закономерностей развития феномена дифференциации. Третья ступень — проверка теоретических представлений результатами измерений. Чет-

вертая – формулировка перспективных научно-методических мер регулирования пространственного развития РФ, учитывающих новые соотношения социально-экономических характеристик, возможности и приоритеты.

Именно движение по этим ступеням позволит углубить теоретические представ-

ления об объективных предпосылках, направлениях, механизмах формирования асимметричности социально-экономического пространства РФ, определить действительные факты, причины, возможности и перспективы формирования системы сбалансированного развития субъектов РФ в новых экономических условиях.

Литература

1. Баранов, С.В. Динамика межрегиональной дифференциации 1998–2005 гг. / С.В. Баранов, Т.П. Скуфьина // *Федерализм*. – 2005. – №3. – С. 47-76.
2. Баранов, С.В. Комплексная оценка социально-экономического развития городов и районов Мурманской области / С.В. Баранов // *Вестник Кольского научного центра РАН*. – 2011. – №4. – С. 46-51.
3. Баранов, С.В. Комплексные оценки регионов Севера по уровню социально-экономического развития / С.В. Баранов // *Современные проблемы науки и образования*. – 2012. – №6.
4. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг. – М.: Дело Лтд, 1994.
5. Ворошилов, Н.В. Дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области 1991–2011 гг. / Н.В. Ворошилов // *Проблемы развития территорий*. – 2013. – №3(65). – С. 31-41.
6. Гасникова, А.А. Межрегиональная экономическая дифференциация на Севере и пути ее сглаживания / А.А. Гасникова, Ю.А. Волова // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2012. – №47. – С. 9-13.
7. Голинжер, Е. Венесуэла: от заднего двора к многополярному миру / Е. Голинжер // *Геополитика: сборник статей, опубликованных в 2010–2011 гг. в информационно-аналитическом журнале «Геополитика» / под. ред. А.Г. Дугина*. – М.: Евразийское Движение, 2012. – С. 323-328.
8. Гранберг, А.Г. Экономическое пространство России: вечные проблемы, трансформационные процессы, поиск стратегий / А.Г. Гранберг // *Экономическое возрождение России: периодическое научное издание*. – 2004. – №1. – С. 16-22.
9. Грицай, О.В. Центр и периферия в региональном развитии / О.В. Грицай, Г.А. Йоффе, А.И. Трейвиш. – М.: Наука. – 1991. – 161 с.
10. Добрынин, Н. Бюджетный федерализм в России: генезис, эволюция, необходимость перемен / Н. Добрынин // *Федерализм*. – 2004. – №2. – С. 133-148.
11. Евстигнеева, Л. Тайна догоняющего развития / Л. Евстигнеева, Р. Евстигнеев // *Вопросы экономики*. – 2013. – №1. – С. 81-96.
12. Ильин, В.А. Бюджетный кризис регионов в 2013–2015 годах – угроза безопасности России / В.А. Ильин, А.И. Поварова // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2012. – №6(24).
13. История экономических учений: (современный этап) / под ред. А.Г. Худокормовой. – М.: ИНФРА, 1999. – С. 701-720.
14. Лавровский, Б. Трансфертный механизм: преодолен ли кризис? / Б. Лавровский, Е. Постникова // *Вопросы экономики*. – 2005. – №5. – С. 84-96.
15. Лексин, В.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. – М.: Эдиториал УРСС, 2003.
16. Панасюк, М.В. Анализ развития системы «центр-периферия» региона (на примере Республики Татарстан) / М.В. Панасюк, А.В. Руденко // *Известия РАН Серия географическая*. – 2008. – №1. – С. 60-72.
17. Польшнев, А.О. Межрегиональная экономическая дифференциация: методология анализа и государственного регулирования / А.О. Польшнев. – М.: Эдиториал УРСС, 2003.
18. Пикулькин, А.В. Прогнозирование и планирование в условиях рынка / А.В. Пикулькин, Т.Г. Морозова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.

19. Рясов, А.В. Политическая концепция М. Каддафи в спектре «левых взглядов» / А.В. Рясов. — М.: Институт востоковедения РАН, 2008.
20. Самарина, В.П. Оценка неравномерности социально-экономического развития субъектов центрально-черноземного экономического района / В.П. Самарина // Региональная экономика: теория и практика. — 2008. — №8. — С. 33-38.
21. Скуфьина, Т.П. Проблема асимметричности экономического развития пространства в современных исследованиях / Т.П. Скуфьина // Фундаментальные исследования. — 2013. — №10-3. — С. 650-652.
22. Слинько, А.А. Неевклидова политика: трансформация политических процессов в Латинской Америке / А.А. Слинько. — Воронеж: Научная книга, 2010.
23. Уткин, А.И. Глобализация: процесс и осмысление / А.И. Уткин. — М.: Логос, 2001.
24. Regional Policy; Readings in Theory and Applications / Ed. By Friedman J, and Alonso W. — Cambridge, London, 1975.
25. Fredann J. Urbanization Planning and National Development. — Beverly Hills, London, 1973.